

Цянь Чжихун переменялся в лице, его пальцы судорожно сжались в кулаки.

Сюань Вэнь между тем продолжал:

— Эти два снадобья... Одно предназначено для улучшения кровообращения, второе — для успокоения ума. Сами по себе они совершенно безвредны. Однако принимать их подряд ни в коем случае нельзя, иначе успокоительный эффект усилится многократно, что за короткое время приведет к помутнению рассудка. И господин Цянь последние полмесяца принимал обе чаши одновременно каждый вечер. Силы лекарств с лихвой хватало до следующего заката — и так день за днем, по кругу.

Цянь Чжихун вскипел от ярости:

— Чушь собачья! С чего бы мне травить родного отца?!

— О твоих мотивах мне судить трудно, — спокойно отозвался Сюань Вэнь. — Но здесь есть та, кто охотно прольет свет на эту тайну.

Старший соученик отступил в сторону, освобождая проход. В дверях показалась фигура. Едва завидев ее, Цянь Чжихун смертельно побледнел и дрожащим пальцем указал на вошедшую:

— Ты...

— Да, Цянь Чжихун, это я, — раздался хриплый голос.

Женщина выглядела жалко: растрепанные волосы, некогда роскошное платье из павлиньего шелка изодрано в клочья, а на тонких запястьях все еще болтались обрубки перерубленных цепей. От неё веяло глубоким отчаянием и пережитым горем. Не обращая внимания на потрясенные взгляды присутствующих, она уверенно миновала Фань Юаня и остальных, направляясь прямо к плененной Чан Цинцин. Взглянув на бьющуюся в невидимых путах девушку, она горько и злорадно усмехнулась:

— И ты здесь, в клетке? Что, опять позарилась на чужого мужа или совершила еще какое-нибудь злодеяние, от которого кровь стынет в жилах?

— У Цинъюэ! — бешено взревел Цянь Чжихун. — Безумная баба!

— Я безумная? — У Цинъюэ одарила его ледяным, презрительным взглядом. — А кто тогда ты, если ради этой твари не пощадил собственного отца? После смерти Минь-эра наш брак давно превратился в пустую видимость, с этим я смирилась.

Она скользнула безгловым взором по распластанной на полу фигуре и гордо вскинула

подбородок. Даже сейчас — израненная, грязная, в лохмотьях — она держалась с достоинством истинной госпожи, неизмеримо выше любой нечисти.

— Ты прекрасно знал, что она — демоническая тварь, но все равно возжелал ее. И ради нее пичкал отца медленным ядом, позволяя этой нечисти высасывать из него последние жизненные силы! Каким же чудовищем нужно быть, чтобы пойти на такое?!

— Заткнись! — взвыл Цянь Чжихун.

Но чем сильнее он бесился, тем шире торжествующе улыбалась У Цинъюэ.

— Что, страшно стало? — Она обвела взглядом комнату, твердо решив сорвать все маски и выставить правду на всеобщее обозрение. — С самого начала ты мечтал притащить Чан Цинцин в наше поместье, но свекор наотрез отказался пускать ее на порог. Тогда вы начали тайно встречаться. Я поначалу ничего не знала, лишь пару раз случайно натыкалась на вас, но эта девка успевала вовремя ускользнуть. Позже из северного крыла то и дело доносился странный звон колокольчиков. Ты тут же состряпал небылицу, будто это дух безвременно ушедшего Уяня бродит по дому, заставив нас со свекром жить в постоянном, липком страхе.

— А потом вы крупно повздорили с отцом, после чего он внезапно лишился рассудка. Он бредил, без конца повторяя имя Уяня. Мое сердце чуяло неладное, ужас сковал меня, и я, не выдержав, втайне отправила письмо в школу Сяошань с мольбой о помощи. Накануне вашего прибытия я встретила во дворе Цуй-эр. Забрав у нее чашу с отваром, сама отнесла ее свекру. На обратном пути, оступившись в темноте на угловых ступенях, я сильно подвернула ногу и присела на крыльцо перевести дух. И тут раздался тот самый тихий перезвон колокольчиков. Оцепенев от страха, я затаила дыхание и осторожно выглянула из-за угла стены. Никакого призрака Уяня там не было — предо мной стояла молодая девица с бубенцами на щиколотках. Вскоре появился Цянь Чжихун, он обнял ее и увел. Я уловила обрывки их разговора... именно тогда до меня дошло, что эта тварь — оборотень. Когда они скрылись из виду, я услышала какой-то шорох в покоях свекра. Вернувшись, я застала его на удивление в ясном уме — и тут же поняла, что безумие напускает на него именно лекарство, которое ему дают.

Слушая этот сбивчивый, но искренний рассказ, Фань Юань вдруг вспомнил важную деталь:

— Пойдите, так это вы подбросили нам записку в день нашего приезда?

— Да, я, — кивнула У Цинъюэ. — Утром вы неожиданно явились на порог. Цянь Чжихун быстро сообразил, чьих рук это дело, и приказал запереть меня в подвале. Однако он совершил оплошность, доверив разносить мне еду моей верной служанке. Опасаясь слежки, я успела нацарапать на клочке бумаги всего два слова и передала их через нее. Ну а дальше... дальше вы уже сами во всем разобрались.

На самом деле Фань Юань знал далеко не все детали. Днем, когда он мирно спал, наставник бесцеремонно растолкал его и предупредил, что ночью стоит ждать незваных гостей, поэтому нужно держать ухо востро. Фань Юань честно караулил до глубокой ночи, но, не выдержав

усталости, крепко заснул. В итоге он действительно наглотался сонного тумана Чан Цинцин и едва не лишился изрядной доли жизненной силы.

— Цянь Чжихун, сперва ты сжил со света собственного сына, а теперь покусился на жизнь отца... В тебе не осталось ничего человеческого, ты просто зверь! — У Цинъюэ говорила внешне спокойно, но в ее голосе звенел металл.

— Госпожа Цянь, — мягко вмешался Фань Юань, — сейчас тратить слова на этого подлеца бессмысленно. Лучше подумайте, как нам теперь со всем этим поступить.

— Я уже отправила слугу к городским стражникам, — ровным голосом ответила У Цинъюэ. — Как только с этим будет покончено, я навсегда покину этот проклятый дом. А вот что делать с ней, — она указала на съежившуюся в углу Чан Цинцин, — пусть решают уважаемые мастера.

— Лишить ее духовных сил и разрушить самосовершенствование, — бесстрастно уронил Сяо Цзыцзюнь.

Услышав этот приговор, Чан Цинцин пришла в неопиcуемый ужас. Она принялась иступленно биться о невидимые стены барьера, умоляя о пощаде:

— Пощадите! Столько лет трудов... Вы не можете отнять у меня все! Я лишь поддалась уговорам молодого господина Цяня! Это он твердил, что хочет поскорее избавиться от старика и прибрать к рукам все семейное дело! Я только... Я совершила ужасную ошибку, умоляю, сжальтесь!

Хранивший до этого угрюмое молчание Цянь Чжихун вспыхнул от ярости и уставился на сообщницу налитыми кровью глазами:

— Тварь! Чан Цинцин, да как ты смеешь валить все на меня?!

Но кошка даже не взглянула на него. Заливаясь слезами, она продолжала звать к непреклонному мастеру:

— Великий Сяо Цзыцзюнь, я знаю, как вы могущественны! Помилуйте, заклинаю вас...

Сяо Цзыцзюнь даже бровью не повел. Его голос веял могильным хладом:

— Если понимаешь, какова цена духовного пути, то, когда в следующий раз попытаешься обрести человеческий облик, не совершай прежних ошибок.

— Нет! Стойте! Сяо Цзыцзюнь, дайте мне еще один шанс! Клянусь, я никогда больше не посмею!.. Я потратила целое столетие! Сто лет лишений ради того, чтобы стать человеком! Как

вы можете быть столь жестоки?!

Она зашлась в истошном крике, в отчаянии вырывая клочьями собственные волосы и ломая аккуратные косы.

— Выговорилась? — холодно спросил Сяо Цзыцзюнь.

Не дожидаясь ответа, он сделал резкое круговое движение ладонями, словно стягивая невидимую нить. Светящийся купол Ясного Света мгновенно сузился, плотным кольцом сжав тело Чан Цинцин. Она не успела даже издать предсмертный хрип — яркая вспышка озарила комнату, и на пол повалилась обычная белоснежная кошка с крошечными серебряными бубенцами на задних лапках.

Опустив руку, Сяо Цзыцзюнь повернулся к У Цинъюэ:

— С этим покончено. Дальше разбирайтесь сами.

У Цинъюэ безмолвно склонила голову в знак благодарности.

Тем временем слуги ввели в комнату господина Цяня. Сюань Вэнь, действуя по тайному приказу наставника, еще вечером перехватил предназначенную старику чашу с отваром, и без дурманящего зелья тот быстро пришел в себя. Опираясь на плечи слуг, старик обвел тяжелым взглядом собравшихся: поверженного, забившегося в угол сына, бледную, но спокойную У Цинъюэ и белую кошку, тихо свернувшуюся на полу.

Поняв, что игра проиграна, Цянь Чжихун бессильно опустил плечи. Он обвел взглядом присутствующих и остановился на Сяо Цзыцзюне:

— Я был полным идиотом... Думал, что все просчитал до мелочей и не оставил улик. Кто же знал, что уважаемый наставник видит меня насквозь с первого взгляда.

— Твой замысел раскрылся бы позже, — ровным тоном отозвался Сяо Цзыцзюнь. — Но твоя сообщница совершила глупость, решив напасть на Фань Юаня. Схватив ее, мы распутали всю ниточку, попутно освободив твою супругу.

— Выродок! — со слезами ярости на глазах выдохнул господин Цянь, с силой стукнув тростью о деревянный пол.

Дрожащим голосом он велел слугам немедленно увести и запереть негодного сына. Горячо поблагодарив мастеров школы Сяошань за спасение, старик, опираясь на руку У Цинъюэ, медленно побрел в свои покои.

На следующее утро Сяо Цзыцзюнь вместе с учениками отправился в обратный путь к родной обители. По дороге Фань Юань, пристроив лошадь поближе к Сюань Вэню, негромко зашептал:

— Ну и ну, старший брат! Вы с наставником за моей спиной провели целое расследование, а я ни сном ни духом!

Сюань Вэнь с мягкой, снисходительной улыбкой потрепал младшего по плечу:

— Честно говоря, для меня это тоже стало сюрпризом. Наш наставник лично распутал все дело от начала до конца.

— А почему он тогда сам слова не проронил вчера вечером? Все ты рассказывал.

— Он сказал... — Сюань Вэнь хмыкнул, — что слишком много говорить — дело утомительное.

Фань Юань не сдержался и тихо фыркнул. Он устремил взгляд на прямую спину едущего впереди Сяо Цзыцзюня, и в груди его шевельнулось странное, необъяснимое чувство. Пусть наставник не любил выставлять напоказ свое могущество, каждое его движение, каждый жест излучали нечто особенное.

«Величие»

Именно это слово, гордое и весомое, всплыло в его мыслях. Да, величие, выделявшее его среди обычных смертных. Сам не зная, почему этот образ засел в голове, юноша лишь укрепился в ощущении, что его учитель бесконечно далек от всех, кого ему доводилось встречать прежде. Необыкновенный, загадочный человек.

Заметив, что младший соученик глупо улыбается собственным мыслям, Сюань Вэнь толкнул его локтем:

— Ты чего там скалишься?

Поняв, что выдал себя с головой, Фань Юань мгновенно стер улыбку с лица и напустил на себя самый серьезный вид:

— Ничего, просто задумался.

Едва они добрались до Сяошань и отвели лошадей в стойла, Фань Юань со стоном облегчения потянулся всем телом и бодро зашагал в сторону своих покоев:

— Наконец-то дома! Теперь-то я выплусь за все эти кошмарные ночи!

— Сяо Юань, погоди, — окликнул его Сюань Вэнь.

Фань Юань обернулся:

— Что такое, брат?

— Совсем скоро начнется наша ежегодная Торговая ярмарка. Присмотрел себе что-нибудь? Скажи, я куплю это для тебя, — тепло улыбнулся Сюань Вэнь.

У Фань Юаня аж глаза загорелись. Он и позабыл, что на носу большая Торговая ярмарка Сяошань! На целых два дня все ученики освобождались от изнурительных тренировок, лекций и медитаций. Огромное тренировочное поле превращалось в пестрый восточный базар, ломящийся от диковинных артефактов, редких трав и магических безделушек, собранных адептами во время странствий. Принять участие мог любой желающий, а если улыбнется удача, можно было за бесценок выменять настоящее сокровище.

Сразу вслед за Торговой ярмаркой начинались ежегодные испытания. Адепты отправлялись в мир смертных оттачивать мастерство, причем наставникам строго-настрого запрещалось сопровождать их. Каждому приходилось рассчитывать лишь на собственный ум и верный меч. Это было, пожалуй, самое веселое и суматошное время в школе Сяошань. Фань Юань весь год жил предвкушением этих дней, мечтая развлечься на полную катушку.

— Мне ничего не нужно, — отмахнулся Фань Юань. — А вот тебе, брат, обнова точно не помешает. В поместье Цянь клинок наставника в щепки разнес твое оружие. Давай выберем тебе на Торговой ярмарке хороший меч, а расходы я возьму на себя!

Сюань Вэнь лишь тихо рассмеялся в ответ. В этот момент шагавший впереди Сяо Цзыцзюнь внезапно остановился и медленно обернулся к ученикам. Почувствовав на себе его тяжелый, пронзительный взгляд, Фань Юань мгновенно занервничал.

«И зачем ты так на меня смотришь?..»

— Наставник... Может, вы тоже хотите что-нибудь приобрести? Я и для вас подарок найду!

— Нет, — ледяным тоном отрезал Сяо Цзыцзюнь.

— Э-э... Тогда почему вы так на меня смотрите?..

— Напомни-ка мне, что ты клялся исполнить перед тем, как мы покинули гору?

Что? О чем это он? Разве Фань Юань что-то обещал? Да вроде бы ничего особенного...

Юноша судорожно перебирал в памяти события последних дней, пытаясь сообразить, на чем именно его подловил учитель. Молчание затянулось, и тогда Сяо Цзыцзюнь медленно произнес одно-единственное слово:

— Правила.

В ту же секунду мир вокруг Фань Юаня зашатался, а в голове будто разорвался грозовой снаряд. Память мигом вернула его в тот злополучный день. Тогда в Зале Безмолвных Раздумий, отчаянно пытаясь улестить наставника и выпросить разрешение поехать в поместье Цянь, он сдуру выпалил: «Да я хоть правила школы перепишу! Двести раз!»

Эти двести копий тяжелым обухом обрушились на его несчастную голову. Прежде чем разум успел осознать весь масштаб катастрофы, юноша уже привычно заговорил, вымаливая пощаду:

— Наставник... Ну неужели нужно быть столь суровым?

Стоило ему запеть эту жалобную песню, как он принял самое несчастное, побитое выражение лица. Любой другой на его месте тут же сменил бы гнев на милость, не в силах противиться такому очарованию. Но Сяо Цзыцзюнь был вылеплен из другого теста. Сердце его оставалось глухо к подобным уловкам.

— У тебя ровно двое суток, — бесстрастно бросил Сяо Цзыцзюнь. — Не успеешь закончить к началу Торговой ярмарки — проведешь эти дни взаперти.

Развернувшись, он величественно удалился со свойственной ему бессмертной грацией, оставив ученика наедине с горькими думами о превратностях судьбы.

Увидев, что Сюань Вэнь все еще стоит рядом, Фань Юань с надеждой заглянул ему в глаза и выдал совершенно безумную мысль:

— Брат... Как думаешь, на Торговой ярмарке ведь наверняка продают какой-нибудь хитрый артефакт для автоматического переписывания книг? Ну, знаешь, чтобы сам чернила тратил?

Сюань Вэнь сочувственно посмотрел на бедолагу, явно сомневаясь в сохранности его рассудка. Похлопав младшего по плечу, он вздохнул:

— Уже полдень, глупый. День стремительно катится к закату. Если не начнешь прямо сейчас, завтра тебе не помогут и три лишние пары рук.

С этими словами он тоже поспешил по своим делам.

Фань Юань издал протяжный, полный вселенской скорби стон и поплелся в свою комнату —

навстречу неизбежному.

Вернувшись к себе, он битый час перерывал завалы вещей, пока наконец не выудил из самого пыльного угла толстый фолиант с правилами школы Сяошань. Прежде он никогда не утруждал себя чтением этого скучного свода. Еще чего! Забивать голову всякими запретами — только жизнь себе усложнять.

Фань Юань лениво перелистнул несколько пожелтевших страниц, выхватывая взглядом отдельные строчки:

«Твори добро, блюди чистоту помыслов; взвешивай каждое слово и подавляй гнев терпением».

«Драки и распри меж адептами недопустимы, а за притеснение слабых пощады не будет».

«Предательство наставника и забвение его уроков — тягчайший грех в обители Сяошань».

«Запрещено без ведома старейшин обучать посторонних боевым искусствам школы».

Вся книга была забита бесконечными «нельзя», «запрещено» и «категорически карается». Скривившись, он уже собирался захлопнуть фолиант, как вдруг он заметил правило под номером триста пятьдесят семь:

«Строжайше воспрещаются любовные связи и тайные чувства между учителем и учеником».

<http://bllate.org/book/20436/2132713>